

18+

КОНСТАНТИН КОЧНЕВ

Деревня ведьм

Константин Кочнев

Древняя ведьм

<https://litres.ru/74340928>

ISBN 9785007097888

Аннотация

Освободившийся из тюрьмы Михаил Мутный похищает магический кулон с рубином, который оказывается ключом к древним силам. В погоню за ним включаются бандиты, спецслужбы и жители мистической деревни ведьм, где хранительницы древних знаний вступают в борьбу с Тёмными силами. Судьбы героев переплетаются в бескомпромиссном противостоянии между светом и тьмой, где каждый выбор решает, останется ли человек свободным или станет марионеткой.

Содержание

Глава 1. Ключ к свободе	5
Глава 2. Кража	18
Глава 3. Двойник	49
Глава 4. Разгадка	63
Глава 5. Поиск похищенного	71
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Деревня ведьм

Константин Кочнев

© Константин Кочнев, 2026

ISBN 978-5-0070-9788-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Ключ к свободе

«Свобода — это не дверь на улицу, а выбор, который ты делаешь, выходя за неё.»

Тюрьма Волкова по кличке Волк напоминала каменный лабиринт, в котором каждый шаг эхом отдавался в пустых тесных коридорах с облупившимися стенами, а после дождей туда просачивалась сырость. Воздух здесь был пропитан смесью затхлости и запахом сигарет, а узкие окна с толстыми прутьями пропускали лишь серый свет.

Для большинства заключённых тюрьма была концом пути, но для Волка — площадкой, где он продолжал свои дела. В отличие от других, ютящихся в тесных камерах с облезлыми стенами и койками, Волк находился на особом счету у администрации. Его камера была одиночной, по местным меркам, просторной, с телевизором и возможностью пользоваться телефоном, благодаря чему он всегда был в курсе всех событий. В отличие от большинства узников, его пространство не давило на него бетонной плитой безысходности, он оставался хозяином положения, даже находясь за решёткой. Неофициально Волков держал порядок во всей тюрьме, надзиратели это понимали и не вмешиваясь в его дела.

Волк сидел на койке, крутя в пальцах телефонную трубку. Со второго раза ему наконец удалось дозвониться до Хмуро-

го. Тот снял трубку после третьего гудка, и в трубке раздался его хрипловатый голос:

— Да...

— Хмурый, слушай внимательно, — Волк говорил медленно, словно взвешивал каждое слово. — Завтра в десять освобождается из зоны Мутный. Тебе нужно встретить его лично.

— Понял. Дальше?

— Он передаст тебе ключ на золотой цепочке. Этот ключ я ношу всегда с собой. Теперь твоя очередь.

На другом конце провода повисла тишина. Потом Хмурый коротко спросил:

— Волк, я так понимаю, ключ этот не простой?

— Умнеешь, Хмурый, — Волк ухмыльнулся. — Носи его всегда на шее. Никогда не снимай. Если он пропадёт — нас обоих снимут с живых шкуру. Понял?

— Понял.

— Думаю, что в ближайшее время он понадобится. Какая дверь должна быть открыта этим ключом узнаешь в свое время. Пока просто держи его при себе.

Хмурый молчал несколько секунд, потом сухо сказал:

— Сделаю.

— Вот и хорошо.

Волк повесил трубку и закрыл глаза.

На следующий день, когда бледный, будто выцветший от тоски свет пробрался сквозь мутное стекло зарешеченного

окна, Мутный наконец ощущал свободу, она кружила вокруг него, как порывистый ветер, ласково касалась и могла ускользнуть в любую минуту. Ещё миг и он уже снаружи, оставив позади себя лишь только ряд холодных и мрачных воспоминаний. Главное подождать ещё немного, ещё один шаг, и он свободен.

— Держи, — вдруг раздался голос рядом.

Мутный вздрогнул от неожиданности, поглощенный в свои мысли он не заметил как к нему подошел Волк, грозный и большой, он теперь стоял уже перед ним. В пальцах его поблескивала золотая цепочка с небольшим ключом.

— Передашь это Хмурому. Он ждет тебя у выхода, — сказал Волк, не отрывая от него глаз.

— Хорошо, передам, — ответил Мутный, принимая цепочку.

В этот момент с металлическим скрежетом отворилась дверь, и появился конвоир.

— Михаил Мутин, с вещами на выход.

Эти слова были долгожданными, Мутный сглотнул. Все, пять лет позади. Он взял свой пакет, попрощался с теми, кто оставался за решеткой и зашагал за конвоиром.

В помещении для выдачи личных вещей он, как во сне, назвал свою фамилию. За толстым стеклом мелькнули толстые пальцы, шуршала бумага. Ему выдали старые вещи по одной — ремень, часы, документы, мелочь и связку ключей. Всё это было при нём в первый день, многое с тех пор изме-

нилось, но вещи остались прежними.

Едва он коснулся пальцами своих ключей, как в его голове вспыхнула мысль: «От чего этот ключ?» Золотая цепочка с ключом Волка была ощутимо тяжелее его собственных ключей, и уж точно не от какой-то простой двери. Волк, не носил бы простой ключ на себе. Если ключ был при нем все эти годы — значит, он имел цену. А теперь этот ключ должен был перейти к его преемнику Хмурому... Но что, если он его подменит своим ключом? Мутный ощутил, как в груди растет небольшое волнение. Он разглядывал связку своих ключей, а перед глазами вставали образы с потайным сейфом и как он открывает его этим ключом, а там пачки с деньгами, набитые хрустящими купюрами, золото, бриллианты и прочее сокровище.

А ведь можно попробовать, этих денег мне хватит до конца жизни, можно уехать туда, где меня уже никто не найдет...

Его ладонь сжала в кармане ключ Волка, надо было действовать именно сейчас, а то потом будет уже поздно. Мутный быстрым движением отстегнул его от цепочки и, незаметно для посторонних глаз, заменил его своим ключом от квартиры.

Жадность, его вечный спутник, снова подкралась к Михаилу и зашептала, что выбор верен, а награда должна достаться тому, кто способен её взять. Пять лет за решеткой — это срок, который должен был бы выбить из него эту страсть к чужому, научить, что за жадность всегда приходится пла-

тить. Но урок не был усвоен. Он по-прежнему верил, что хитрость и ловкость — его лучший союзник, а судьба лишь карта, которую можно незаметно перетасовать. Азарт кипел в его груди, сердце стучало все быстрее. Мутный убрал ключ в другой карман, натянул на лицо спокойствие и уверенно шагнул вперед, даже не подозревая, что, возможно, уже делает свои первые шаги в могилу, из которой уже никогда не выбраться.

Свобода ждала его за дверью, но теперь с ней шла рука об руку тайна, что лежала тяжестью в его кармане.

На выходе его уже ждали. Два массивных «Мерседеса», чёрные, как ночь с затонированными стёклами. Возле них, стояли трое с каменными лицами со взглядом, как у волков перед прыжком на свою добычу. Мутный и без подсказок понял, что это люди Волка.

А вот и Хмурый. Он его раньше никогда не видел, но сомнений не оставалось — этот смотрел на него так, будто оценивая. Мутный сунул руку в карман, пальцы скользнули по холодному металлу. Он осторожно вынул ключ с цепочкой и протянул Хмурому.

— Вот. Волк велел передать.

Хмурый взял цепочку, слегка взвесил её на ладони.

— Это всё?

— Всё, — коротко ответил Мутный.

Хмурый не стал разглядывать ключ, просто накинул цепочку на шею, привычным движением спрятал её под рубаху

и резко кивнул остальным:

— Поехали.

— Парни, может, до города подбросите? — несмело спросил Мутный, глядя, как они направляются к машинам.

Хмурый на миг задержал шаг, покосился на него, затем махнул рукой:

— Поедешь с Шмелем.

Мутный сел в машину Шмеля и тяжёлый «Мерседес» взревел, колёса прокрутились на земле и машина рванула вперёд.

За окном мелькали деревья, серые дома, забытые богом перекрёстки. В салоне машины стояла тишина, Мутный откинулся на сиденье, прикрыл глаза, улыбнулся и предался размышлениям... Свобода! Пять лет — и вот снова на воле. У меня есть время. Они не знают, как должен выглядеть ключ. Это главное. Значит, пока они не обнаружат подмену, он успеет выяснить, какую дверь он должен открыть. И забрать всё, что за ней спрятано.

Доехав до города, Михаил Мути́н сразу направился на железнодорожный вокзал. В кармане у него было немного смятых бумажных купюры денег, до Питера на билет хватало. А там уже можно будет обратиться к Борису, старому другу детства, который был ему кое-что должен. Михаил не сомневался, Борис поможет, деньгами и в его новом деле. Вместе они решат, что делать с ключом.

Поезд тронулся, медленно набирая ход, и Михаил, устроившись у окна, задумался. Ещё вчера он сидел в тесной камере, среди таких же, как он, дышал тяжёлым воздухом тюрьмы, в замкнутом пространстве, а теперь едет в поезде и можно выбрать любой путь, любую дорогу. Его судьба, точно распахнутая настежь дверь, могла вывести куда угодно. Он не знал, что ждёт его впереди, но был уверен, на этот раз всё сложится иначе, поскольку не повторит прежних ошибок. В этот раз удача не ускользнёт из его рук, теперь наконец он точно станет богатым и счастливым.

Питер встретил Михаила влажным холодом и шумом проезжающих машин, он сразу отправился на поиски Бориса. Тот когда-то жил совсем другой жизнью, был рядом с ним всегда, но годы сделали своё дело. Борис успел пустить корни: купил квартиру, сделал в ней хороший ремонт, вложил деньги в бизнес, позабыл старые дела, старых знакомых и всё, что было связано с прошлым.

Михаил нашёл его и они договаривались встретиться в маленьком кафе на тихой улочке. Борис изменился, в его облике теперь было больше уверенности, но в глазах мелькнуло лёгкое беспокойство, когда он увидел Михаила, поскольку он ждал его появления только через два года. Они говорили долго и о многом: о жизни, о переменах, о времени, которое неумолимо уносит людей в разные стороны. Но Михаила больше всего волновал ключ. Этот маленький предмет, спрятанный в кармане, который стал для него символом но-

вой жизни, только нужно было понять, какую именно дверь он открывает.

В кафе пахло кофе, перегоревшим маслом, Михаил сидел напротив Бориса, изучая его перемены. Лицо друга было спокойным, отточенным временем, но во взгляде мелькнула тень напряжения.

— Если честно, я не ожидал тебя увидеть, — произнёс Борис, глядя в чашку. — Твоя доля у меня, но я с неё немного взял. Верну, как только смогу, бизнес набирает обороты.

Михаил откинулся на спинку стула, кивнул, равнодушно принимая сказанное.

— Мне нужно где-то пожить.

— Оставайся. Пока я один, но скоро всё изменится. Желю. Она удивительная девушка, познакомлю тебя с ней.

Борис говорил искренне, но Михаилу всё это было безразлично. Его мысли не были здесь, в кафе, в кармане его пальто лежал ключ, и он чувствовал его тяжесть.

— У меня есть одно дело, — наконец сказал он, наклонившись ближе. — Дело серьёзное. У меня есть ключ, который стоит больших денег. Проблема в том, что я не знаю, что он открывает. Хочу предложить тебе участвовать в этом.

После этих слов Михаил рассказал Борису все подробности, как к нему попал данный ключ.

— Ты с ума сошёл! — воскликнул Борис. — Когда они поймут, что это ты, тогда тебе конец. Я в это не полезу. Я уже участвовал в одном деле с тобой, и мне хватило.

Михаил усмехнулся, стряхивая пепел с сигареты.

— Всё верно. Если они узнают, что ключ у меня, то убьют. Но пока они не знают. А если мы найдём дверь первыми, то возьмём всё, что там за ней находится. Там куча денег и других ценностей иначе Волк не носил бы этот ключ все время с собой.

Борис потёр лицо руками.

— Ты понимаешь, что это скорее всего их общак? Если мы его заберем, они нас за это не простят и будут искать пока не найдут. Я забыл уже о прошлом, теперь живу нормальной новой жизнью, у меня бизнес, могу взять тебя в долю, если захочешь.

Михаил засмеялся, но в его смехе не было веселья.

— И что ты мне предлагаешь? Вернуться к Хмурому, отдать ключ, извиниться? Думаешь, он пожмёт мне руку и отпустит с миром?

Он посмотрел прямо в глаза Борису, в голосе зазвенела горечь.

— Ты говоришь, что забыл прошлое. Эта твоя жизнь началась благодаря мне. Мы вдвоём участвовали в деле, но понёс наказание только я, и тебя не выдал. Это ты забыл? Кем бы ты сейчас был и где, если бы не это дело, которое мы провернули, все также на заводе точил бы детали? Не забывай, кому обязан и новой жизнью, и тем, что избежал тюрьмы. А там, мягко говоря, не курорт. Тем более, я уже ввязался в это дело и обратной дороги у меня уже нет, я не смогу про-

сто так без последствий выйти из этого. Если бы не я, ты бы сейчас не пил кофе в этом кафе, а работал на заводе далеко от суда или спился в своей деревне вконец концов.

Наступило молчание. Борис обдумывал услышанное. Он, конечно, понимал, что новой жизнью обязан Михаилу и искренне хотел помочь другу детства, но ввязываться в очередную авантюру не имел никакого желания.

— Хорошо, помогу, чем смогу, — ответил Борис после долгой паузы. — Но я даже не представляю, как искать эту дверь. Давай подумаем завтра, а сегодня предлагаю отметить освобождение.

— Отлично, теперь я узнаю своего старого друга, — с радостью воскликнул Михаил. — Сегодня давай праздновать мою свободу.

На следующее утро Михаил проснулся рано, хотя ночь прошла в тревожном, рваном сне, полном обрывков воспоминаний и беспокойных мыслей. Он долго лежал, глядя в потолок, пока свет тусклого питерского утра лениво пробирался сквозь плотные занавески. Время утекало, как песок сквозь пальцы, и это не давало ему покоя.

Борис все еще спал на кровати в соседней комнате, но Михаилу не терпелось продолжить вчерашний разговор. Мысли о ключе жгли его разум, как раскаленное железо. Где та дверь? Что скрывается за ней? Главное — успеть, пока они не догадались, что настоящий ключ у него.

Он встал, прошелся по комнате, закурил, достал из своего кармана ключ, ощутив в ладони холодный металл и провел пальцем по зазубринам. Эта штука могла изменить всю его жизнь — если, конечно, он найдет, что она открывает.

Борис зашевелился, что-то пробормотал сквозь сон. Михаил не стал ждать.

— Вставай, Боря. Дело не ждет.

Тот открыл один глаз, Михаил уже стоял над ним.

— Какое еще дело? — пробормотал Борис, натягивая одеяло.

— Мы вчера про него говорили с тобой. Я думаю, что нам пора действовать, — Михаил присел на край кровати. — Времени у нас немного. Если ключ Волка такой ценный, то рано или поздно за ним начнут охотиться.

Борис тяжело вздохнул, сел, почесал затылок.

— Хорошо, сейчас только умоюсь.

Михаил отправился на кухню, чтобы заварить чай и приготовить что-нибудь на завтрак. Когда Борис появился, стол уже был накрыт.

— Так, с чего начнем? Давай вместе подумаем над этим, — Михаил положил ключ на стол и откинулся на спинку стула.

— Ты хоть какое-нибудь представление имеешь, где эта дверь? — Борис взял ключ, повертел его в руках.

— Если бы знал, я бы уже был там, — усмехнулся Михаил. — Давай думать логически. Этот ключ по форме не на-

поминает ключ от входной двери, скорее всего он от сейфа и этот сейф необычный напольный, а вероятно всего потайной. Значит, это сейф скорее всего находится в каком-то помещении, верно?

— Хм... Логично. Но где это помещение? У него ведь могло быть сотни таких мест, — Борис задумчиво постучал пальцами по столу. — Я думаю, что гаражи, офисы, производства и прочие проходимые места, куда могут попасть посторонние люди необходимо сразу же отместить.

— Согласен. Знаю точно, что он не стал бы прятать ценное в местах, известных другим. Ни в собственном доме, ни в любом другом, о котором знают многие, такой сейф он бы не оставил, поскольку велик риск, что его найдут при обыске. И бандитам, думаю, он о том месте не рассказывал.

Значит, это, скорее всего, не общак. Иначе о нём знал бы Хмурый, а когда Волка посадили, тот должен был принять сейф и пользоваться им, поскольку теперь он за главного. Выходит, это личные сбережения Волка. Придёт время и они понадобятся, но сам он выйти не может, значит, поручит забрать их Хмурому.

Хмурый пока даже не догадывается, от чего ключ. Следовательно, тайник либо на конспиративной квартире, либо в доме, где наверняка кто-то живёт и сторожит это место.

— Логично. Наверное, это кто-то из близких, кому доверяет больше всех. Вряд ли родственники, у них первыми прошли бы обыски. Значит, либо дальний родственник, либо

надёжный друг, не связанный с бандой, либо человек, пользующийся его безграничным доверием и уважением.

— Да, этого человека будет найти довольно проблематично, — ответил Михаил, — я не знаком с его близким окружением. Думаю, что нам надо найти похожий сейф и посмотреть, что он из себя представляет.

— Давай начнем с этого, найдем в Питере, магазин по продаже сейфов и закажем себе такой же.

Не теряя времени, Михаил и Борис отправились в магазин, торгующий сейфами. Просторное помещение с ровными рядами металлических шкафов, массивных и неприступных, напоминало выставку крепостей в миниатюре. Подойдя к консультанту, они предъявили небольшой, но увесистый ключ. Продавец, бегло осмотрев его.

— Это ключ от огнеупорного и водостойкого сейфа, производителем является Нью-Йоркская компания. У нас таких нет, — заметил он равнодушно, пожав плечами, — их нужно заказывать.

Борис, не раздумывая, оформил заказ. Однако сам сейф оставался лишь половиной разгадки. Куда сложнее было определить, где именно он установлен. Михаил и Борис осознавали, что впереди их ждет непростая задача.

Глава 2. Кража

«Они играли роли, не замечая, как жизнь начала играть ими.»

Пока заказанный друзьями сейф медленно начал свое движение из-за рубежа в Россию, перескакивая с одного вокзала на другой, с платформы в пыльные кузова грузовиков, Михаил истратил на раздумья столько мозговых сил, сколько положено было одному человеку на целый год. Он перебрал в уме все мыслимые и немыслимые места, где бы мог находиться тот загадочный сейф, к которому подходил «золотой» ключ Волка. Прошла неделя, как целая вечность, наполненная тревогой, бессонницей и ощущением, что он ходит кругами, в запутанном лабиринте, не находя выхода. Время уплывало, отчаяние, медленно, как ледяная вода, заполняло его грудь, и с каждым часом нарастал ужас, если бандиты догадаются, что у них фальшивый ключ, то они сразу поймут, кто их обманул. Где-то в глубине души Михаил начал сожалеть, что вступил на этот зыбкий, скользкий путь авантюры, в которой ставка была его собственная жизнь. Чтобы окончательно не сойти с ума от тяжёлых дум и липкого страха, Михаил предложил своему другу Борису вырваться за город, на базу отдыха в лес, чтобы отогнать от себя все тревоги.

Борис, который всю неделю провел в работе над собственным бизнесом, изрядно устал и сразу ухватился за эту идею. Более того, он решил взять с собой свою невесту — Кристину, чтобы, познакомить её с Михаилом.

— Кристина, очень удивительная девушка, она талантливейший профессиональный скрипач, я никогда и нигде не встречал такой девушки как она! — с восторгом говорил Борис и это была чистая правда.

Михаил увидел миниатюрную, стройную, изящную фигуру Кристины — словно тщательно отполированную скрипку, созданную неведомыми мастерами в загадочных мастерских. Её тело напоминало дорогую породу дерева, которую веками искали скрипичных дел мастера для магического звучания. Небольшого роста, с лёгкими, тонкими, точно выточенными руками и пружинистой, живой походкой, Кристина напоминала изящный резной инструмент, в котором каждая линия была тайной. Её лицо было открытым, с выразительными глазами и улыбкой, которая, как огонь, могла растопить самое холодное сердце.

База отдыха, куда прибыли Борис, Михаил и Кристина, располагалась в старом сосновом бору, где столетние деревья стояли, как огромные свечи, уходящие к небу. Небольшие современные деревянные домики были разбросаны вдоль берега узкого озера, тёмного и зеркального, как полированное стекло. По утрам над гладью воды поднимался туман, а днём воздух наполнялся свежестью хвои и тонким запахом

СМОЛЫ.

В главном корпусе находилась кафе с большой верандой, все было устроено так, что можно было немедленно забыть о городской суете и о тревожных мыслях.

Разместившись в деревянном домике, друзья первым делом отправились к озеру покататься на лодках. Лодки с облупившейся зелёной краской ждали их у деревянного пирса. Михаил и Борис, бодрые и шумные, уселись за вёсла и ловко стали им орудовать, а Кристина, лёгкая, как солнечный лучик, разместилась у самого носа лодки. В руках она держала свою скрипку, которая была для неё не просто вещью, а продолжением души, как сердце, вынуженное наружу, но не прекращающее биться. С ней она никогда не расставалась и всегда брала ее с собой.

Когда лодка, лениво отползла от берега, среди серебристого плеска воды и ветра зазвучала легкая мелодия скрипки, лес вокруг озера ожил от этого магического звучания.

Кристина играла, и казалось, что сам лес откликается ей в ответ. Высокие сосны, как старинные органные трубы, глухо зашумели на ветру, подхватывая мелодию. Птицы, прятаясь где-то в кронах деревьев, вторили короткими свистами, точно были вторыми скрипками этого невидимого оркестра. Лёгкий ветер бежал по воде, и рябь заплясала в такт чудесной музыки. Мелодия лилась плавно, вплетаясь в трели стрекоз. Всё, что не вписывалось в ритм этой музыки, сразу замолкало, оставалось лишь то, что гармонично её дополня-

ло. По какому-то неведомому волшебству вся природа вокруг: лес, озеро, небо вдруг зазвучали в такт этой мелодии, точно и они, по неведомой прихоти судьбы, давно репетировали эту пьесу под предводительством загадочной скрипачки Кристины.

Михаил замер, все его тревожные мысли как надоедливые мухи бесследно испарились, Борис, не один раз слушавший Кристину, сидел широко раскрыв глаза, будто боялся спугнуть это чудо хоть малейшим движением. И только Кристина, невесомая, как отблеск на воде, вела за собой невидимый оркестр леса, ветра и озера, сотворяя иной мир — мир, где нет ни страха, ни тревог, а есть только вечная, светлая музыка.

Насытившись катанием по зеркальной глади озера под чарующую музыку скрипки, Борис с Михаилом, растрёпанные ветром и довольные, словно два школьника после шалости, решили удалиться к бильярдному столу, что стоял в стеклянной веранде главного корпуса базы. Кристина же, оставив мужчин в их увлекательной игре, пошла прогуляться по лесной аллее. К вечеру, когда небо заволокло сизой вуалью сумерек, компания вновь собралась вместе. Они принялись готовить ужин, а когда первые звёзды подмигнули с неба, Борис ловко развёл большой костёр. Пламя рванулось вверх и стало трепетать в ночи, выхватывая из темноты то один задумчивый профиль, то другой, отражаясь в глазах и разбрасывая искры, как золотую россыпь.

Постепенно разговоры, начавшись с обыденного, незаметно скатились в ту зыбкую область, где границы реального и нереального стираются без следа. Лёгкий холодок пробежал по поляне. Борис, не теряя времени, снял куртку и мягким движением накинул её на хрупкие плечи Кристины, затем приобнял её, прижав к себе, как бы невзначай, но с той уверенностью, которая не требует слов.

Михаил, наблюдавший эту сцену с задумчивым лицом и, быть может, с каплей завистливого любопытства, не выдержал:

— Как вы познакомились? — спросил он, обращаясь одновременно к обоим, но глядя на Кристину.

Кристина улыбнулась тонко, почти таинственно, и, удобнее устроившись, начала свой рассказ:

— Это удивительная история... Тогда были Святки, и я, как водится, гадала по зеркалу на суженого. Ночь была морозная, я установила два зеркала друг против друга, зажгла свечу... и вдруг в зеркальном отражении увидела парня. Он лежал на диване и читал книгу. Чтобы он посмотрел на меня, я ткнула своим пальцем в его лицо, которое отразилось в зеркале. Он поднял глаза, посмотрел на меня, и в ту же секунду отражение растаяло как дым.

Кристина сделала паузу, огонь костра мягко плясал на её лице.

— Через неделю, — продолжала она, — я шла по улице и увидела его. Он стоял на противоположной стороне дороги,

такой же как в зеркале смотрел на меня. Мы одновременно пошли друг другу навстречу, и встретились ровно посередине проезжей части. Светофор сменил цвет, машины рванули с места, но мы стояли и смотрели друг на друга. Тогда Борис схватил меня и буквально унёс к обочине. С той минуты мы уже не расставались.

— Невероятно! — воскликнул Михаил, широко раскрыв глаза. — В это сложно поверить.

Борис, склонив голову, сдержанно кивнул.

— Да, но это правда, — сказал он, и, отпив немного чая из кружки и продолжил — Я действительно в ту ночь лежал на диване и читал книгу. Было уже поздно, я почти задремал, как вдруг почувствовал лёгкое прикосновение к лицу. Я обернулся — и увидел перед собой лицо девушки. Её глаза смотрели прямо на меня. Через мгновение видение исчезло. А утром на щеке, в том месте, где она коснулась меня, появилось родимое пятно. Как отметина.

Он прикоснулся к своему лицу, показывая эту самую родинку.

— Через неделю я увидел её, как она уже рассказала и узнал ее сразу.

Борис, углублённый в воспоминания, говорил негромко, но голос его становился глухим и задумчивым:

— После встречи с Кристиной, со мной стало происходить нечто странное. Сначала, — продолжал Борис, задумчиво смотря в костер, — я начал замечать их краешком гла-

за. Это были тени людей. Черные, как угли этого костра. Они не шевелились. Стояли... толпами. Порой я думал — причудилось. Но стоило отвернуться, как я замечал их ближе. Один раз я разговаривал с друзьями на улице — а сбоку будто кто-то встал. Отхожу — он за мной. Снова отхожу — он опять рядом. Думаю, товарищ? Оглядываюсь — а товарищ и не думал двигаться, стоит на своём месте, глаза на меня тарашит, точно на безумца. Тогда мне и сделалось впервые не по себе.

Борис на мгновение умолк, бросил в костёр сухую ветку. Она вспыхнула синим языком пламени.

— А однажды... возвращаюсь домой. На подходе к дому — арка. Знаешь, обычная питерская арка, под серым сталинским домом. И вдруг — впереди три фигуры, как из ряби старого телевизора: серые, полупрозрачные, мерцающие. Страх сжал мое сердце, но отступать было некуда — пришлось идти сквозь них. Когда прошёл — всё исчезло.

Он перевёл взгляд на Кристину, и та слабо кивнула, будто подтверждая каждое слово.

— Этих серых я видел потом ещё несколько раз. Стоят группами — три, пять. Статичные как статуи. А однажды... — Борис понизил голос — ...ночью, возвращаясь домой около трёх часов, вышел из лифта и на пролёте увидел женщину. Высокая. Не женщина даже, а силуэт — под метр девяносто. Вся в чёрном. Волосы чёрные, длинные, до пояса. Стоит неподвижно, смотрит в окно. Я хотел разглядеть её лицо

в стекле — да не смог. Страх заставил дрожать мои пальцы и я сразу вспомнил слова Кристины, что это души и они не причинят мне зла. А ее подаренный мне амулет придал мне кукую-то уверенность и силу...

— Ну вы даёте! В такие мистические истории трудно поверить, — удивился Михаил. Раньше он ничего подобного от друга не слышал, но сейчас, видно, сама обстановка подтолкнула их к откровенному разговору. Вдруг Михаил вспомнил о ключе, который всегда был при нём. Помедлив мгновение, он достал его, показал Кристине и спросил:

— А что скажешь об этом ключе?

Кристина медленно протянула ладонь, взяла ключ. Её лицо изменилось, стало строгим и напряжённым. Несколько минут она молчала, разглядывая предмет с таким вниманием, будто вглядывалась не в металл, а куда-то глубже.

— Этот ключ... — наконец заговорила она, голос её звучал глухо и низко, — веет холодом. Этот ключ не твой, Михаил. Он принадлежал жестокому человеку. На нём кровь, много крови.

— А что он открывает? — нетерпеливо выпалил Михаил, когда понял, что все, сказанное Кристиной попало в точку.

Кристина закрыла глаза и сосредоточилась на этом ключе еще больше.

— Небольшая дверь, не входная... металлическая. За ней что-то очень ценное. Но что именно — не вижу. Эта дверь спрятана. О ней знают только избранные. Я вижу дом — ста-

рый многоэтажный. Во дворе детская площадка... Качели, горка... Дом окружён другими такими же домами...

Михаила словно осенило, пазл, который не складывавшийся в голове, наконец обрёл чёткие очертания. Он понял, куда ему следует идти и где искать.

Ночь медленно угасала, наступил рассвет, огонь в костре погасал, превращаясь в золу и угли. Дружья поднялись, залили водой остатки костра и разошлись по комнатам в доме. Михаил с чувством полнейшего удовлетворения от того, что наконец-то продвинулся в разгадке ключа, с небольшой улыбкой на лице отправился спать.

Когда Борис и Кристина остались одни, она тревожно посмотрела ему в глаза.

— Борис, — сказала она тихо, едва слышно. — Михаил задумал нечто нехорошее. Не связывайся с ним. Не втягивайся в его дела. Это плохо кончится и для него, и для нас...

Она произнесла это как предупреждение, в её голосе звучала тревога, как тонкая дрожь натянутой струны, события, которые неизбежно надвигались, она уже не могла остановить.

Наконец сейф прибыл, тот самый, который так долго ждал Михаил, для того, чтобы разгадать секрет его устройства. Сначала он обошёл его вокруг, словно древний археолог вокруг каменного саркофага, затем осторожно присел на корточки и начал изучать поверхность. Металл дверцы сейфа

был очень крепким и она не открывалось одним лишь ключом, для этого требовался ещё и код, выдуманный самим Волком. Михаил нахмурился, но это его не останавливало, поскольку цель приближалась к нему все ближе и ближе. Несколько раз изучив инструкцию он понял, что у него будет только одна попытка набрать этот код, если код будет неверным, то может сработать сигнализация и блокировка запорного устройства. В этом случае потихому открыть сейф уже не получится, что совсем не желательный вариант и который необходимо будет любой ценой избежать.

Для того чтобы понять как устроен замок, он разобрал его и, обнажив все его внутренности, стал изучать и искать слабые места у замка. Несколько дней он разбирался с кодовым замком сейфа, каждый день механизм поддавался и раскрывал свои скрытые секреты. Михаил уже не сомневался: он его откроет. Осталось только малое — найти ту самую квартиру, где таился близнец этого сейфа, ключ от которого постоянно был при нем.

Вечером, когда Борис пришел с работы, его встретил радостный Михаил.

— Борис, мне понадобится твоя помощь, — без прелюдий начал он, хлопнув друга по плечу. — План готов, осталось только войти, взять содержимое.

Борис посмотрел на него и с недоверием спросил:

— Ты уверен, что знаешь, где это находится? В каком городе?

Бориса тревожило опасение Кристины, сказанное ей совсем недавно. Конечно, ввязываться в это дело не хотелось, но отказать Михаилу он не мог, поскольку тот слишком много для него сделал. Теперь на кону жизнь друга, и, так или иначе, надо рискнуть, чтобы спасти его и исполнить долг сполна.

— Набережные Челны, — с видом триумфатора сообщил Михаил. — По описанию Кристины, по расположению домов я выбрал три подходящих места и всё досконально изучил.

— А квартира? Ты знаешь номер? — продолжал осторожно допытываться Борис.

— Пока нет, — признался Михаил, усевшись на стул и заложив ногу на ногу. — Вот если бы Кристина помогла...

— Нет, нет и ещё раз нет, — перебил его Борис, его лицо потемнело. — Не впутывай её в это дело, да она и сама не согласится.

— Хорошо, хорошо. У меня есть план, как всё выяснить. Она говорила, что в квартире живёт одинокий старик. Останется только вычислить его адрес. Для этого ты мне и нужен.

Борис тяжело выдохнул, он знал, что назад обратной дороги уже нет, поскольку втянулся в это дело.

— Хорошо, но это будет последнее наше с тобой дело, после которого я отдам тебе свой долг и мы с тобой в расчете.

— Конечно, конечно, друг, — заулыбался Михаил, его глаза заблестели. — Всё будет отлично. Долю делим пополам

— пятьдесят на пятьдесят. Ты со своей Кристиной заживёшь так, что будешь вспоминать эту историю на пенсии, если она конечно у тебя она будет.

На следующее утро Борис и Михаил выехали в город Набережные Челны, город странных перекрёстков и ветров, вечно блуждающих среди высоких домов. Там они сняли квартиру на седьмом этаже в доме, где по мнению Михаила может находиться квартира, в которой имеется тот самый сейф, что стал чуть ли не смыслом всей его жизни. Квартира была однокомнатной, ее окна выходили во двор и за ним можно было наблюдать не выходя из дома.

Вначале они решили на машине объехать еще два дома, которые по мнению Михаила, также могла находиться квартира с сейфом. На автомобиле БМВ черного цвета, принадлежащий Борису они остановились во дворе дома и начали наблюдать. Пробыв в машине два часа, они поехали к другому дому, где также находились полтора часа. Этот двор, как и первый жил обыденной, повседневной жизнью: хлопали балконы, на скамейке плевали семечки бабушки, гонялись за мячом мальчишки. Одинокого пенсионера, который бы подходил по приблизительное описание, данное Кристиной они не увидели и решили вернуться на свою съемную квартиру.

На следующий день начали собираться обратно, поехать на машине наблюдать за дворами домов, но Борис остановил Михаила, сказав ему:

— На машине опять выезжать для наблюдения будет слишком рискованно, пенсионер ее может вмиг срисовать и тогда он предупредит Волка и наш план провалится.

— Что ты тогда предлагаешь? — спросил его Михаил.

— Я думаю, что нам надо переодеться и наблюдать переодетым во дворе. Что думаешь по этому поводу?

— Идея хорошая, в кого ты хочешь переодеться?

— Есть несколько вариантов людей, которые могут часами находиться во дворе и не вызывать никакого подозрения. Это беременные, женщины с коляской прогуливающие по двору, старики и старухи, которые часами могут сидеть во дворе. Предлагаю переодеться и наблюдать во дворе по одному, сменяя друг друга. Например, я могу переодеться в бомжа, — с внезапной живостью предложил Борис.

— Давай попробуем, тогда надо съездить в магазин и купить все необходимое — согласился Михаил.

Весь день друзья ездили по магазинам и закупали все необходимое, что по помогло бы сменить образ до неузнаваемости: парики, косметику, платья, сумки, взяли даже закрытую коляску. Когда возвращались с покупками домой, Борис заметил выброшенный пакет, в котором находилась: мягая куртка, рваные штаны, ботинок с провалившейся пяткой.

— Смотри, из этого может получиться замечательный образ бродяги, — с улыбкой сказал он Михаилу.

Придя в свою съемную квартиру они разложили все вещи

и в веселой обстановки начали примерять на себя образы. Борис, как истинный артист, с азартом примерил на себя образ бездомного, сделал накладную бороду с усами, придал парикку потрепанный вид, к подобранной на мусорки куртки, добавил побольше прожженных дырок и запачкал ее грязью. Куртка была доведена до стадии «старый питерский скиталец». Михаил увидев преобразившегося друга одобрительно кивал ему, готовясь к своему выходу в роли беременной женщины.

На следующий день, надев на себя образ старика-бродяги Борис отправился во двор дома наблюдать за обстановкой. Неторопливой прихрамывающей походкой он обошел все мусорные баки во дворе, собирая в пакет металлические банки из-под пива. Подойдя к скамейке от которой было хорошо видно весь двор дома, он лег на нее, натянув на глаза потрепанную кепку и претворившись спящим стал наблюдать за двором. Прележав целый час на скамейки, он еще в течение полчаса обошел мусорные баки и потихоньку поковылял через два дома, где возле дерева оставил свою машину.

Напротив его BMW-семёрки стояла лавочка, на которой, как назло, сидели две старухи и о чём-то сплетничали. Борис, переодетый бездомным, прошёл мимо. Старухи сразу уставились на него, и он краем уха слышал, что разговор зашёл о нём.

— Ты только посмотри, Дуся... — прошептала одна ста-

руха, — идёт, как из помойки вылез.

— Да, вижу. Ботинки у него кашу просят, левый, гляди, аж на волоске держится! — прошептала другая старуха, — Только лицо у него не бомжевское. Чистое, понимаешь? Слишком уж... интеллигентное.

— Ага, не прост он. Шпион это, Дуся, который маскируется под нищего!

Борис, прошёл мимо своей машины, делая вид, будто она ему не принадлежит. Надеялся на то, что они скоро уйдут, но старухи никуда уходить не собирались. Минут двадцать он кружил возле мусорки, прихватил из ее пару вещей, чтобы соответствовать своей роли. Напрасно, он надеялся, что пожилые женщины уйдут со скамейки домой, время поджимало. Михаил уже наверняка потерял его. И вот, собрав всю свою решимость, Борис выпрямился, вытащил из затёртого кармана ключи от машины и, не глядя по сторонам, уверенным шагом направился к ней. Подойдя к BMW, он ловко, юркнул внутрь, и с ревом мотора умчался прочь с такой быстротой, что птицы взлетели с ближайших деревьев от испуга, оставив за собой только облачко пыли и старух с раскрытыми ртами.

— Дуся... Ты это видела?.. — пробормотала одна.

— Видела, Клава... Бомж... на БМВ!.. — в ее голосе слышалось удивление. — Это что ж получается? Действительно шпион?

— Завтра надо участковому все рассказать!...

У Михаила, переодетого в беременную женщину, с натянутым животом из ватного одеяла и с огромной шляпкой в цветочек, также не было никаких результатов. День ушёл в пустоту. Ни одного подозрительного старика, ни тени того, кто мог бы быть их «ключом» ко всей этой истории, не появилось на горизонте двора. Он слонялся среди детских колясок, мимо песочниц, где гремели ведёрки и лопаты, и даже попытался несколько раз «умилённо» улыбнуться проходящим бабушкам, но, увы, всё было тщетно.

Когда Борис наконец подъехал к назначенному месту — скрипнув тормозами, — Михаил уже ходил вокруг, словно тигр в клетке.

— Ну наконец-то! — рывкнул он, плюхаясь на сиденье машины и привычно сбрасывая с головы дамскую шляпку. — Ты почему так долго? Я тут чуть не родил от скуки.

— Были небольшие затруднения, — туманно ответил Борис, закуривая с видом уставшего контрабандиста. — У тебя как?

— Пусто. Старика не видел.

— Придётся меняться домами, — протянул Борис, рассказывая Михаилу свои истории. — Меня сегодня раскусили две бабки...

— Тогда, завтра меняемся, — кивнул Михаил. — Я переоденусь в старушку. А ты можешь стать женщиной с коляской. Сможешь?

— Смогу, — уверенно ответил Борис. — У меня и юбка

есть.

Они сидели в машине, как два актёра, импровизирующие в собственной постановке. Но это был не спектакль ради славы, они искали в нём разгадку, от которой зависела их дальнейшая жизнь. День прошёл впустую и подходил к концу, будто кулисы в старом театре опускался медленно и неотвратимо.

— Поехали, — сказал Михаил, стряхнув пепел.

Машина мягко тронулась с места, они возвращались в свою съёмную квартиру, где в шкафу пылились их костюмы, на кухне росла гора немытой посуды, а на стене криво висело зеркало, в котором отражались их маски, стирающие грань между игрой и жизнью.

Всю последующую неделю Михаил и Борис, как два артиста, переодевались в самые разные персонажи от безобидных старушек и беременных женщин до подозрительных пьяниц и бродяг, слоняющихся по дворам, клянча у прохожих деньги и копаясь в мусорных баках. Сменяя, друг друга дежурили во дворах в разное время суток, высматривая свою цель. Но, увы, никакой старик, соответствующий нужному облику, так и не появился. Изредка возникали какие-то кандидаты, но их сразу исключали: кто-то жил с женой и детьми, кто-то был слишком разговорчив и явно не подходил под нужное описание.

Но вот в тот день, в четверг, судьба, испытывающая их

ожиданием, махнула на них рукой и решила улыбнуться Михаилу. Ровно в 10:00 утра во двор дома №7/13 на безымянной улице, как и большинство улиц этого города, Михаил прогуливался в своём новом облиии. На нём была старая, потёртая ветровка, под которой виднелась кофта голубого цвета, а на голове был надет седовласый парик и повязанный поверх него платок. Его глаза прятались за очками в тяжёлой роговой оправе, а на лице были наклеены искусственные старческие морщины и бородавка. Образ дополнял фальшивый горб, ловко сооружённый из полотенца.

Михаил шёл, волоча ногу, напевая вполголоса какую-то мелодию и медленно покачивая коляску. Его лицо превратилось в лицо Марии Ивановны, женщину, которая каждый день выгуливала своего внука Николая, а в коляске вместо него лежала аккуратно завернутая кукла. В коляске также находился термос с чаем и баранки, которые Мария Ивановна время от времени потихоньку доставала из пакета.

Михаил с видом женщины, которой уже ничего не надо в этой жизни, с выдохом сел на лавочку. Вокруг его шныряла детвора и мамыши, которые не обращали на Михаила никакого внимания. Одна бабушка с внуком подошла к нему и села с рядом Михаилом на лавочку:

— Добрый день. Как назвали малыша? — заговорила с ним старуха, пытаясь, заглянуть в коляску и рассмотреть младенца.

— Николай, — сказал Михаил, хриплым старушечьим го-

лосом, прикрывая положенную в коляску куклу от любопытного взгляда, чтобы не было видно ее лица и добавил, — в честь святого. Молюсь за него каждый день. Он спит, лучше его не беспокоить, а то заорет...

— Ох, ох, конечно, конечно... Деточки они ж теперь нервные пошли. Вот мой Юрочка, точно таким же в таком же возрасте был: ел, спал и орал. — закивала старушка, показывая на Юрочку, который бегал вокруг скамейки напротив — А вы откуда будете?

— Да я с шестого дома, через арку, — соврал Михаил, продолжая монотонно качать коляску. — У родителей погулять с ним, времени совсем нет, вот меня и отправляют, ему свежий воздух полезен, на улице только и спит.

В этот момент из четвертого подъезд медленно, вышел старик. Высокий, сторбленный, в потёртом осеннем пальто, а на ногах ботинки советской эпохи, которые казалось, прошли расстояние от Сибири до Бухареста. Шёл он неторопливо, с тростью, но походка его была не расслабленной, а подозрительно собранной, как у человека, который всю жизнь считал, что он под наблюдением.

Михаил чуть прищурился и вопросительно посмотрел на собеседницу.

— А это кто? — спросил он, понижая голос, как будто речь шла о загадочной личности.

— А, это? — переспросила старуха, оглядываясь. — Это наш местный, одиночка... Григорий Львович. Живёт сам по

себе, ни с кем не разговаривает, ходит как призрак и постоянно оглядывается, как будто за ним кто-то следит. Другие старухи рассказывали, что он долго сидел за что-то, возможно даже и за убийство. И не просто сидел, а был авторитетом. Поговаривали, что он там вроде как что-то решал. А теперь так... иногда к нему приезжают, на машине, крепкие здоровые мужики с криминальной внешностью, сумки какие-то к нему все приносят.

— А семья? — продолжал допытываться Михаил.

— Да не было. Или была, да вся распалась. У таких — не держится. Он как вышел, сразу в этот дом заехал. С тех пор и живёт, лет десять, не меньше.

Старуха вытерла нос рукавом и ещё раз зыркнула в коляску.

— Спит? ... — прошептала она.

— Да, спит, — сказала Мария Ивановна, — вы б лучше за своим внуком смотрели. А то он вон, уже, под лавкой уже какого-то жука ест...

Старуха услышав это побежала к соседней лавку доставать своего внука, а Михаил тем временем перевёл свой взгляд на старика, который направлялся в сторону магазина.

Михаил Мутный вдруг понял, что это именно тот старик, которого они ищут, он медленно встал и потихоньку поковылял за ним. Именно этот старик и был той самой недостающей фигурой в их странном спектакле. Дом и подъезд он уже знает, осталось только самое малое вычислить его квартиру.

На следующее утро Михаил, переодетый в беременную женщину, после обхода подъездов почтальоном с целью раздачи квитанций на оплату коммунальных услуг и почтовой корреспонденции, зашел в четвертый подъезд и тихо, при помощи отмычек, начал вскрывать почтовые ящики, просматривая квитанции об оплате квартиры. В почтовом ящике №120 он нашел пару газет и квитанцию на имя Григория Львовича Шаесламова. Согласно этой квитанции, в квартире действительно проживал только он.

«Да, это он, тот, кого мы искали. Осталось только малое — проникнуть в квартиру и забрать деньги», — подумал Михаил, радостно улыбаясь.

Все последующие дни Михаил и Борис сосредоточились на Григории Львовиче. Необходимо было выяснить его привычки: когда он покидает квартиру, на сколько уходит, и что делает в течение дня. Старик в основном сидел дома и выходил лишь в магазин — минут на десять—пятнадцать. Этого времени вполне хватало, чтобы вскрыть квартиру и опустошить сейф с деньгами, который он тщательно оберегал.

Михаил составил подробный план ограбления его квартиры, и на следующий день они решили действовать.

В хорошем настроении они поднимались по лестнице к своей съёмной квартире. Михаил и Борис были переодеты в женские платья и расслабились: Борис, не выдержав жары, снял парик и, поднимаясь без него, слушал Михаила, который рассказывал ему забавную историю из своей жизни.

На одной из лестничных площадок они столкнулись с группой из пяти парней. Те встали перед ними с серьёзными выражениями лиц, и по этим выражениям Михаил и Борис мгновенно поняли: парни относятся крайне враждебно к мужчинам, которые разгуливает по городу в женской одежде. Нужно было срочно выкручиваться — на завтра была запланирована кража с квартиры, и попасть в больницу с переломами сейчас было бы крайне некстати. Каждый день был на вес золота — и на кону стояли большие деньги, что хранились в сейфе у старика.

— Пацаны, вы совсем не так всё поняли, — заговорил Михаил, на ходу выдумывая спасительную версию. — Мы не те, о ком вы подумали. Мы просто нарядились так, чтобы разыграть друга. Он живёт вот тут, на площадке этажом выше.

Парни смотрели без особого доверия. Похоже, не собирались их пропускать. Тогда Борис подхватил легенду:

— Да-да, всё верно! Это просто шутка. Наш друг дал нам ключи от квартиры, сейчас он бежит по магазину, покупает продукты к столу. Думает, что его дома ждут две девчонки, а когда придёт — бац! — сюрприз: два его друга в женских платьях. Мы хотели посмеяться над ним и повеселить его. Ну пожалуйста, пропустите нас, а то испортим всю затею, мы так долго планировали это ... — и, стараясь выглядеть как можно убедительнее, под конец Борис улыбнулся и посмотрел умоляющим взглядом.

Слова подействовали. Парни молча минуту переваривали

информацию, переглядывались, и постепенно выражения их лиц смягчились. Задали ещё пару вопросов, для виду, а потом отступили в стороны, давая дорогу.

— Классно, придумали, молодцы! Даже мы так не шутим, — сказал напоследок один из них, уже с лёгкой усмешкой.

Михаил и Борис благополучно добрались до своей квартиры. Когда за ними захлопнулась дверь, Михаил с облегчением выдохнул:

— Фу, пронесло... В больнице нам сейчас точно быть никак нельзя, особенно когда цель так близко. Расслабляться пока рано. Надо ещё раз прогнать наш план — до мелочей. Завтра — самый важный день.

И он действительно стал самым важным. Это был тот самый день, после которого не оставалось пути назад. В нём было всё: напряжение, риск и та черта, за которой начнётся совсем другая жизнь. И если бы они тогда всё же оказались в больнице с переломами — это, как ни странно, было бы лучшим из возможных для них исходов, эта история закончилась бы и ничего с ними в дальнейшем не произошло. Судьба преподнесла им последний шанс, который они упустили.

Утро следующего дня выдалось на диво ясным и солнечным. Михаил и Борис, сидя на кухне среди вчерашних объедков, обсуждали план операции, продумывая все его детали и обговаривая возможные ситуации, которые могли с ними произойти.

— Если что-то пойдёт не по плану, будем импровизировать, — проговорил Михаил. — У меня хорошее предчувствие, что завтра мы с тобой проснёмся богатыми. Пора действовать.

После этих слов они отправились готовиться. Михаил переделался в беременную женщину: вместо живота он надел корсет, придавший ему объёмную форму, в которой они планировали спрятать похищенное. Борису предстояла роль мамочки с коляской, куда были спрятаны необходимые инструменты для вскрытия сейфа.

К дому 7/13 они приехали на машине Бориса, которую оставили за домом. Достав коляску из багажника, они заняли свои условные места. По плану Борис с коляской должен был прогуливаться во дворе, а Михаил подняться на пятый этаж и ждать, когда из своей квартиры выйдет старик.

План был довольно прост: Михаил должен был дожидаться, пока старик покинет квартиру, затем при помощи отмычек открыть дверь и начать поиск сейфа. Борис должен был находиться во дворе и предупредить Михаила по телефону, в случае когда старик вдруг решит вернуться. Если же этого не произойдёт и старик покинет двор, Борис должен был доставить ему в коляске инструменты для вскрытия сейфа.

Григорий Львович не заставил себя долго ждать, как обычно, он был пунктуален и предсказуем в своих действиях. Выйдя из подъезда, он несколько раз оглянулся и, не заметив ничего подозрительного, направился в магазин.

Как только он завернул за угол дома, Борис вместе с коляской поспешил к Михаилу. Поднявшись на лифте на четвёртый этаж, он увидел, что дверь квартиры старика уже была открыта, а Михаил всюду искал сейф, аккуратно в перчатках поднимая старинные картины, которых в жилище Григория Львовича оказалось немало.

— Ты почему так долго? Каждая секунда на счету, — с упрёком сказал Михаил. — Проверь кабинет, я пока здесь закончу.

Борис, оставив коляску в коридоре, бесшумно зашагал в кабинет Григория Львовича. Квартира старика совершенно не вязалась с его обликом. На улицу он выходил всегда в изношенной одежде и не баловал себя изысками ни в продуктах, ни в быту. Но стоило лишь переступить порог его жилища как казалось, будто ты попал на выставку в Эрмитаже.

Квартира состояла из трёх просторных комнат: зала с лепниной и позолотой, спальни с тёмно-вишнёвыми порттьерами, приглушающими даже дневной свет, и, наконец, кабинета, куда Борис и направился, напряжённо прислушиваясь к каждому шороху.

На стенах висели настоящие живописные изыски, картины с монограммами неизвестных, но явно талантливых мастеров, в тяжёлых золочёных рамах. На комод и на полу стояли бронзовые скульптуры, и роскошные вазы что-то из византийского, римского и египетского стиля. Мебель была Европейская: венская, французская, итальянская. Всё вокруг

говорило о старинном вкусе, больших деньгах и тайнах.

Обстановка казалась странной, пугающей и, пожалуй, неуместной. Будто сами вещи томились в ожидании своего часа. И действительно, у Михаила с Борисом сложилось стойкое ощущение, что здесь ничто не принадлежало Григорию Львовичу по праву рождения или наследства. Скорее, он был кем-то вроде молчаливого и надёжного хранителя.

Библиотека в его кабинете производила особенно сильное впечатление. Против массивного письменного стола весь фасад стены занимал высокий стеллаж из тёмного ореха, потемневшего от времени. Там стояли кожаные фолианты, редкие издания с заложёнными страницами, всё то, что едва ли имело отношение к скромному пенсионерскому досугу.

Борис, бегло осмотрев стены, сразу подошёл к стеллажу. В перчатках, как заядлый антиквар, начал вынимать книги пачками и ощупывать деревянные стенки, надеясь нащупать какой-нибудь потайной механизм. Книги аккуратно складывались на пол и кресло, некоторые падали, тихо шлёпаясь на ковёр.

Тем временем Михаил, обследовав зал и спальню, присоединился к товарищу. Был он немного взволнованным и потным под своим «беременным» корсетом.

— Ну что? — прошептал он, заходя в кабинет.

— Ничего. Либо сейф замаскирован и мы его не видим, либо его здесь нет, — угрюмо отозвался Борис, продолжая доставать том за томом.

Время уходило, ускользало, как песок меж пальцев. И хотя в квартире было достаточно предметов, каждый из которых стоил несколько квартир. Другой бы вор взял что-нибудь, что лежало на виду, но они не собирались брать «что попало», они искали только сейф. Потому что именно в нём, как был уверен Михаил Мутный, находилось нечто действительно ценное. Остальное лишь мишура, только театральная декорация. И в этом у Михаила была профессиональная гордость и правило не брать то, что на виду. Не хватать первое блестящее, их интересовало то, что было скрыто. Время быстро уходило, а сейф так и не был найден.

— Где ты, чёртов сейф? Теряем время, старик должен уже скоро прийти, — волновался Михаил, помогая Борису доставать книги и простукивать стенку стеллажа.

Их настойчивость дала результат. Борис, в очередной раз простучав стенку стеллажа, вдруг уловил, что звук отличается от предыдущих. Он тут же окликнул Михаила:

— Послушай здесь, что-то есть.

Услышав это, Михаил бросил книги и стремительно подлетел к Борису. Он надавил на подозрительное место, и стенка стеллажа неожиданно поддалась — перед ними открылась дверца сейфа.

— Наконец-то, вот ты где, родной, — восторженно воскликнул Михаил. — Быстро неси инструменты!

Борис метнулся за инструментами, которые находились в коляске, и через мгновение принёс их Михаилу. Тот тем вре-

менем достал ключ от сейфа, тот самый, что месяцами не давал ему покоя, и вставил его в замок. Ключ подошёл идеально.

Борис передал Михаилу стетоскоп и набор необходимых инструментов, а сам направился на кухню, чтобы не мешать. Окна кухни выходили во двор, и Борис, достав из коляски бинокль, расположился так, чтобы его самого не было видно. Он начал внимательно наблюдать за двором.

Григория Львовича пока не было видно. Но через минуту ситуация изменилась: старик появился из-за угла дома и уверенно направился к своему подъезду.

— Миха, он идёт! Давай быстрее! — крикнул Борис и тут же бросился обратно в кабинет.

Когда он вбежал в комнату, его встретил радостный возглас Михаила:

— Да, у нас получилось! — торжественно произнёс он, открывая дверцу сейфа. — Быстрее, Боря, убирай инструменты и всё здесь прибирай!

После этих слов Михаил стремительно расстегнул свой накладной живот и не теряя ни секунды, он начал молча, с азартом, вталкивать внутрь пачки с деньгами. Банкноты были новыми, упакованные плотными перевязками и их было много.

В сейфе были только деньги и одно старинное женское украшение в виде кулона, Михаил не стал ничего рассматривать, кинул его в свой «беременный» живот вместе с пач-

ками денег. Когда внутри не осталось ни одной купюры, он провернул ключ, закрыл сейф и с хирургической точностью восстановил всё до мельчайших деталей: расставил книги по местам, пригладил смятый ковёр, через несколько секунд кабинет выглядел так, словно туда никто и не входил.

Когда Михаил бесшумно убежал из квартиры, Борис уже с коляской поднимался на пятый этаж. В полной тишине было слышно, как хлопнула входная дверь в подъезде и послышались шаги, поднимающихся ног, это были шаги Григория Львовича. Михаил, бесшумно прикрыл дверь и при помощи своих отмычек молниеносно закрыл ее. Затем помог Борису поднять коляску сначала на пятый, а потом на шестой этаж.

Шаги остановились на четвёртом. Наступила гробовая тишина. Михаил и Борис замерли, не дыша, точно сами стали тенью.

Григорий Львович стоял возле своей двери, словно чуткий пес, прислушивался к дыханию стен. Одну минуту он стоял неподвижно, не услышав ни малейшего звука, старик наконец достал ключи и, открыв замок, вошёл внутрь своей квартиры. Дверь за ним закрылась с щелчком.

Прошло ещё несколько напряжённых мгновений. Затем Михаил коротко кивнул, и они вызвали лифт. Спустились вниз, как обычные жильцы с младенцем. Аккуратно, неспешно, перекатили коляску через порог подъезда, и, не говоря ни слова, пошли в разные стороны.

Обогнув дом с противоположных сторон, они снова встре-

тились возле тёмной машины Бориса, припаркованной в тени деревьев. Михаил устало выдохнул, в его взгляде чувствовалось напряжение.

Борис, погрузив коляску в багажник завел машину и они уехали, оставив за собой молчаливый двор.

Приехав в съёмную квартиру, Михаил снял накладной живот и аккуратно вытащил из него содержимое, затем выложил на стол все добытые пачки денег. Они зашуршали, как осенние листья: хрустящие, плотные, новые.

— Ну что, — сказал Михаил, — делим, как договаривались. Половина тебе, половина мне.

Он молча пересчитывал, перекладывал, выравнивал пачки и снова пересчитывал, было видно, что эта процедура доставляет ему удовольствие.

Когда всё было закончено, Борис молча подошёл к своей половине, взял две упакованные пачки и передал их Михаилу.

— Вот, — сказал он. — Это тебе. Возвращаю долг. Мы с тобой в расчёте. Это было последнее дело — больше я в подобных историях не участвую.

Михаил, не пересчитывая, бросил пачки к остальным.

— Конечно, в расчёте. Нам этого хватит до конца жизни.

После этих слов он убрал свои деньги в сумку. Вдруг, словно вспомнив что-то важное, снова полез в неё и достал старинный женский кулон — трёхбуссину, которую он прихватил из сейфа вместе с деньгами. Оно было необычным:

кожаная бечёвка, чуть потемневшая от времени, три массивные бронзовые бусины, и в центре одной из них находился красный камень, похожий на рубин.

— Вот это, — сказал Михаил, протягивая украшение Борису, — отдай Кристине. Без неё у нас бы ничего не вышло.

Борис молча взял кулон и положил его в нагрудный карман.

Вечером они вдвоём отпраздновали удачное завершение дела. Смеялись, вспоминали невероятные истории, которые случались с ними, когда они переодевались в разных персонажей. За окном опускалась ночь, а друзья всё не хотели ложиться спать — это был их последний дружеский вечер, с которым не хотелось расставаться.

На следующий день в Набережных Челнах у них уже не осталось никаких дел, и они покинули город. Борис высадил Михаила в Казани, у него появились там дела, а сам продолжил путь домой, в Петербург, в город где его ждала Кристина.

Глава 3. Двойник

«Иногда самый страшный враг смотрит на тебя твоими же глазами.»

Василий Степанович с утра пребывал в чудеснейшем расположении духа. Легкий, словно студенческий фокстрот, он спускался по дубовой лестнице своего загородного дома, наслаждаясь свежестью осеннего утра. Водитель должен был подъехать с минуты на минуту, чтобы доставить его в офис, а вечером его ждало событие куда более важное — банкетный стол в честь дня рождения жены, Галины Ивановны. О, какой же это будет чудесный вечер! Много друзей, изысканные кушанья, живая музыка, шампанское, играющее пузырьками под мерцающим светом люстр, но главным сюрпризом, конечно же, было кольцо. Василий Степанович с удовлетворением ощупал внутренний карман пиджака, нащупал бархатную коробочку и, остановившись у окна, извлек её на свет. Разумеется, он уже видел кольцо, но не мог удержаться, чтобы не взглянуть еще раз, в этот момент во входной двери он услышал как ключ вошел в замочную скважину и потихоньку начал поворачивать замок. «Кто бы это мог быть», подумал он, поспешно сунул красный футляр обратно в карман и пошел к двери. Дверь медленно отворилась и в дом вошел человек в точно таком же костюме, с зеркальным отражени-

ем лицом как у Василия Степановича.

Они минуту молча смотрели друг на друга в глаза. Страх, как змея, пополз вверх по позвоночнику Василия и впился ледяными зубами в его горло.

— Кто ты? — спросил с трудом Василий Степанович, едва узнавая собственный голос.

— Я, Василий Степанович, а ты кто? — ответил двойник его же голосом и задал ему точно такой же вопрос.

— Я, Василий Степанович и здесь жиру, — еще с большим удивлением ответил Василий — это какая-то ошибка.

— Нет, ошибка это ты, неудачная проба вымиравшего человечества, а я — исправление и пришёл занять свое место, что давно по праву моё. Нам двоим под этой крышей не ужиться, — проговорил двойник с ледяным спокойствием и, не моргнув, вынул из кармана пистолет. Металл блеснул, как последняя мысль, и направился в сторону Василия Степановича, — и поэтому ты должен умереть.

Василий Степанович не успел даже вымолвить ни слова, как раздался первый выстрел. Молниеносно он рванул в сторону и нырнул за массивный диван. Двойник стрелял без передышки, одна из пуль чиркнула по его руке, оставляя жгучую боль.

Не теряя времени, он лихорадочно вытащил из кобуры свой пистолет, прицелился... и нажал на спусковой крючок. Послушался глухой щелчок, в магазине пистолета не оказалось патронов. «Дьявол! Что это за чертовщина?!» — про-

неслось в голове у Василия. Двойник приблизился к Василию и его ствол пистолета оказался в опасной близости от его головы, он ощутил, как по телу пробежал ледяной холод смерти.

— Подожди! — крикнул Василий, пытаясь его остановить.
— Мы можем... поговорить и все обсудить!

— Обсудить? — голос двойника зазвенел, — С кем? С пылью у которой нет права на существование? — Он усмехнулся и выстрелил, но выстрела не последовало, произошла осечка.

Не раздумывая ни секунды, Василий бросился вперед, сбивая противника с ног. Грохот, крики, удары, они катились по полу, словно два разъяренных зверя, охваченные яростью и страхом. Двойник оказался проворнее. Вскочив сверху, он сомкнул свои руки на горле Василия Степановича. Лишенные воздуха легкие вспыхнули адским пламенем.

Василий захрипел, хватая ртом воздух, его сознание затуманилось. «Неужели конец?» — пронеслось в его голове. Но вдруг судьба преподнесла ему еще один спасительный шанс.

На шум выстрелов выбежала его жена Галина Ивановна. В руках она держала охотничье ружье. Она увидела, как кто-то душил её мужа Василия.

— Немедленно подними руки вверх! — выкрикнула она.
— И отойди от моего мужа! А то я стреляю.

После этих слов Галина подняла ружье вверх и нажала на спусковой крючок, раздался выстрел и мужчины обратили

на нее внимание. Двойник резко обернулся в сторону Галины. Его хватка ослабла, и Василий с трудом сделал несколько глотков спасительного воздуха. Когда двойник повернулся, женщина увидела, что на неё смотрит её муж, а тот, кого душил двойник, тоже был её мужем. Галина растерялась и не знала, что ей теперь делать. Они не только ходили друг на друга лицом, но и голосом, одеждой, они были одинаковы как две капли воды.

— Не стреляй в меня, Галина! Это я, твой муж! — вскрикнул двойник.

— Не слушай его, он лжет, это я Василий! — прохрипел лежащий на полу мужчина.

Галина ничего не понимала кто из этих двоих её настоящий муж?

— Галя, помнишь, мы были в ювелирном, и тебе понравилось кольцо с бриллиантом? Так вот, я купил его тебе на день рождения, — сказал двойник, сжимая горло Василия одной рукой, а другой вытащив из внутреннего кармана пиджака узкую красную коробочку. Он бросил её к ногам Галины. Коробочка скользнула по полу, и, придерживая ружьё одной рукой, другой она её открыла. Внутри лежало то самое кольцо, которое ей действительно понравилось, но тогда она сочла его слишком дорогим и выбрала другое. Видимо, Василий всё понял и купил его, чтобы подарить именно сегодня.

Пока Галина переваривала эту информацию, двойник

воспользовался этим небольшим замешательством и выиграв немного времени вновь обхватил шею Василия и принался душить его с новой силой.

— Василий, стой! — закричала Галина. — Не делай этого!

Двойник резко взглянул на женщину. Та увидела его глаза, внешне были такие же, как у мужа, но пустые, звериные, без души. Галина не раздумывая нажала на спусковой крючок ружья и прогремел выстрел. Пуля попала прямо в грудь двойника и он упал на пол. Когда Галина медленно подошла к лежащим на полу мужчинам она увидела, что они как две капли похожи друг на друга. Они лежали и не подавали признаки жизни. Галина разглядывая их ближе уже начала сомневаться в своем выстреле. Она побежала за аптечкой, а когда обратно вернулась в холл, то увидела, что оба мужчины начали приходить в себя. Настоящий Василий приподнялся и склонился над своим двойником, огнестрельная рана у него была глубокая и ему осталось совсем немного.

— Кто это? — спросила прибежавшая с аптечкой Галина у Василия.

— Я сам не понимаю кто это? — ответил Василий и обратился к умирающему двойнику, — кто ты, как тебя зовут? Кто тебя послал убить меня?

— Я... начальник ФСБ... Руденко Василий Степанович... Меня никто не посылал... Я здесь живу... — простонал двойник.

— Как так? — ничего не понимал Василий Руденко, на-

чальник ФСБ, и после минутной паузы добавил: — Хорошо, тогда ответь мне на такой вопрос: что ты должен сделать или сказать, чтобы они поняли, что это действительно ты?

— Когда придёт время, я должен буду ответить на вопрос: Разве прозрачность всегда означает свободу?, сказав: Если нечего скрывать, значит не чего бо... — но он не успел договорить. Его голова безвольно свесилась вбок. Он был мёртв.

Василий, тяжело дыша, пытался осмыслить всё, что произошло этим утром. Мысли метались, как потревоженные вороны, хаотично вспоминая детали. Вдруг он вспомнил о кольце. Он сунул руку в карман пиджака, нащупал знакомую бархатную коробочку, сжал её, словно спасительную нить в этом безумии, и резко открыл. Кольца в его коробочке не оказалось, глаза его расширились от удивления.

Он медленно обернулся и увидел вторую коробочку — ту самую, что лежала на полу и которую вытащил из кармана его двойник. Он подошел к ней и сравнил их, они были идентичны и по размеру и по цвету. Когда он открыл вторую коробочку там было точно такое кольцо, которое он собирался подарить Галине на ее день рождения сегодня.

— Ничего не понимаю... Как такое возможно? — пробормотал он, судорожно разглядывая обе коробки. — А где же моё кольцо?

— Я знаю, где оно, — раздался спокойный голос Галины, — оно на моей руке.

Она подошла к нему ближе и показала кольцо, в её глазах

больше не было растерянности — только твёрдость и понимание.

— Когда ты вышел из спальни, я заметила пыль на твоём пиджаке, — начала она, скрестив руки на груди. — Стала чистить его, и из кармана выпала эта коробочка. Я не удер-жалась, открыла её... и увидела кольцо.

Василий внимательно ее слушал и смотрел на свою жену.

— То самое кольцо из ювелирного магазина, где выбрали подарок сестре, — продолжала женщина. — Украшение показалось дорогим, взгляд переключился на другие, но запомнилось именно оно — и ещё несколько раз мысли возвращались к нему. Я примерила его и поняла, что это подарок сегодня на мой день рождения, но тут я услышала твои шаги, я быстро хотела снять кольцо и положить обратно в коробочку, но у меня не хватило на это время и я успела только положить пустую коробочку в твой пиджак, а кольцо осталось на моей руке. Когда ты зашел в спальню, то надел свой пиджак и вышел. Я стала думать как это кольцо незаметно положить обратно в коробочку, чтобы все не испор-тить. Через несколько минут послышались выстрелы. Когда всё утихло, схватила ружьё и прибежала на место. Увидев вас обоих, растерялась и не понимала, кто из них настоящий мой муж. Но когда мне была отброшена коробочка с точно таким же кольцом, то сразу поняла, кто есть кто, и выстрелила. Что же теперь будет?

Василий тяжело вздохнул и посмотрел на труп своего

двойника.

— Пока не знаю, — медленно ответил он, переводя взгляд на её руку. — Но сначала надо выяснить, кто это... Поднимись в спальню и находишься там, он может быть не один. Я пока его осматриваю.

Галина молча кивнула и ушла, а Василий опустился на колени перед телом. Он всматривался в мёртвое лицо двойника и видел в нем свое лицо. В каждом изгибе, в каждой морщине, в каждом небрежно уложенном волоске была точная копия его самого. Даже рубец над бровью, полученный несколько лет назад, была на том же месте.

«Они всё продумали до мелочей», — думал про себя Василий, — «Его хотели заменить на меня и это им бы удалось сделать, если бы не Галина. Это довольно серьезная организация и они были уверены в стопроцентный успех своей операции, поскольку действовали самоуверенно и надо сказать очень дерзко, послав моего же двойника убить меня. Возможно он до конца не понимал кто он на самом деле».

Визуальный осмотр двойника и его одежды ничего не дал, тогда Василий Степанович взял прибор и стал проверять им на наличие каких-нибудь устройств. Экран мерцал голубоватым светом, Василий медленно проводил прибором по телу двойника, и вдруг в его руке зазвенел тонкий сигнал. Чип, крошечный в виде маленькой пластины, скрывался под кожей правой руки ближе к плечу. Но это было ещё не всё, когда он направил устройство на кольцо, поблескивающее на

пальце двойника. Результат поразил его, кольцо оказалось не простым украшением, внутри него пряталось что-то ещё, неизвестное. Точно такой же механизм он обнаружил в кольце, которое намеревался подарить его двойник Галине. Осмотрев полностью двойника и сняв с него отпечатки пальцев Василий поднялся к Галине и рассказал ей об устройствах в кольцах и об чипе на руке у двойника.

— Если заказчик поймет, что план провалился, то найдет способ убраться нас — мы для них лишние свидетели, — сказал Василий Галине.

— Что же теперь нам делать? — спросила с тревогой Галина.

— Есть одна мысль, но стопроцентной гарантии она не даёт, хотя попробовать стоит, — ответил Василий. — мне придется притвориться двойником: вставит в руку чип и надеть кольцо. Пусть противники думают, что всё идёт по плану. Этот случай надо забыть. Я приму их правила и будет действовать по их сценарию, так узнаю их замысел, а потом решим, как выйти из этой ситуации живыми.

Василий спустился к двойнику, взял все необходимое и стал действовать с ледяным спокойствием, словно патологоанатом при вскрытии. Тело двойника, распростёртое на полу, ещё излучало мертвенную теплоту. И всё же оно было пугающе знакомым, создавалось такое впечатление, будто он извлекал это устройство из самого себя.

Каждый изгиб лица двойника был идентичен с ним и у Ва-

силия обрывками всплывали воспоминания из забытого детства и уже далекой юности. Каждая складка кожи, каждый шрам, каждая родинка — были не просто анатомическими совпадениями, но метками его собственной жизни, как строки давно забытого дневника, написанные на теле. Вот этот бледный след от падения с яблони в девять лет, а эта родинка на ключице, когда-то вызывала улыбку у Галины. Он чувствовал, как между его пальцами и этой чужой, но до ужаса родной плотью стирается грань, будто он трогает собственную историю, отлитую в воске и внезапно ставшую мертвой. В этом сходстве было что-то таинственное, оно не просто дышало прошлым, а было этим прошлым.

Лезвие острого ножа скользнуло по коже и из рассечённой плоти блеснул маленький сверкающий чип, похожий на тонкую серебряную пластину, Василий извлёк его, поднялся в спальную комнату и без слов вложил в ладонь Галины.

Собранная Галина, знающая свое медицинское дело, молча вставила его в рану руки мужа и ловкими движениями начала сшивать рану, как будто всё происходящее было для нее просто частью утреннего распорядка, помимо заваривания чая и легкого завтрака. Бинт лег белой спиралью на руку Василия, там самым завершив всю процедуру.

Прошло еще десять минут и перед домом появился чёрный автомобиль, водитель Василия Степановича не выходя из машины, ждал своего начальника, чтобы отвести его на работу. Галина не пожелала остаться одна дом, вместе с на-

ходящемся на полу мертвецом, от которого несмотря на то, что он уже не дышал, исходил какой-то страх. Они вдвоём вышли из дома и водитель, на служебной машине отвез их в город.

На работе Василий все думал о произошедшем, он не собирался посвящать своих коллег в это загадочное и деликатное дело. Блуждая в лабиринте своих мыслей, он скрывал от окружающих тайну, которую ещё не осознал и не знал, как с ней дальше быть.

Позже, уединившись, он набрал номер, своего единственного друга Виталия, которому доверял, но даже ему он рассказал не всё. История была аккуратно отредактирована без участия Галины и выглядела так: он вернулся домой, застал в доме незнакомца, тот набросился и попытался убить его, завязалась борьба, в результате которой незнакомец погиб. Они договорились встретиться позже, после торжества Галины.

Праздник решили не отменять, он проходил в небольшом кафе, за окнами которого вечерний город жил своей обычной жизнью. В кафе шел праздник: играла музыка, звенели бокалы, официанты сменяли блюда, всё происходило именно так, как должно было происходить. И всё же, на фоне всеобщего веселья Галина и Василий выглядели чужими, словно случайно попали на праздник из другой реальности. Их улыбки были натянутыми, как маски, скрывающие напряжение. Они присутствовали здесь, но их мысли были очень да-

леко от сюда, как будто перед гостями стояли не они сами, а их двойники, для которых этот праздник был лишь формальность и ничего не значил.

Василий сохранял внешнее спокойствие, в его движениях не было ни спешки, ни колебаний. Он поздравил Галину и протянул бархатную коробочку, ту самую, принесённую двойником, словно передавая ей не украшение, а ключ от чего-то незримого. Галина поблагодарила его, открыла коробочку и надела кольцо на палец, и в этот момент на короткий миг по её лицу пробежала тень тревоги, за то будущее, которое уготовила им судьба.

Василий понимал, что это не только день рождение Галины, но и его второй день рождения. День, когда он выжил, но стал кем-то другим, перед ним стояла миссия, о существовании которой он даже не подозревал. Его испытание не завершилось, а только началось.

После затянувшегося и, казалось бы, бесконечного вечера, в кафе приехал Виталий и Василий попрощавшись с гостями вместе с Виталием покинули шумное сборище и они поехали к его дому. Вечер уже плавно переходил в ночь, машина Виталия остановилась у ворот дома Василия. Виталий вышел из машины и огляделся.

— Ни одной души, — прошептал он. — как будто весь район вымер.

— Следуй осторожно за мной, я пойду первым, — тихо сказал Василий и достал свой пистолет.

Они тихо открыли ворота и бесшумно зашагали к дому. Василий медленно открыл дверь ключом и вошел первым. В доме царила звенящая тишина, такая, какую не создаёт пустота, но только присутствие чего-то незримого. Убедившись, что вокруг всё спокойно, Василий щёлкнул выключателем. Там, где утром лежал мёртвый двойник, теперь никого не было. Ни тела, ни крови, ни следов борьбы, ни смятого ковра, ни осыпавшейся штукатурки от выстрелов. Всё оставалось на своих местах, как будто ничего не было. Как будто произошедшее утром — это был лишь кошмарный сон. Василий молча начал осматривать дом. Его движения были точными, почти машинальными, но глаза метались, он не только искал следы, он и подтверждение того, что не сходит с ума.

— Здесь он лежал... — прошептал Василий, указывая на пол. — Вот прямо здесь. Я же его сам здесь оставил. Мы оба...

Но на полу не было ни одного пятнышка от крови. Они обошли все комнаты, пытаясь найти хоть какие-то доказательства утреннего происшествия. Ружье было на своем месте, количество патронов совпадало, и складывалось впечатление, что из него вообще не стреляли этим утром.

— Мистика какая-то, — растерянно произнес вслух Василий.

— Ну... — начал Виталий, осторожно, будто примеряясь к словам. — Ты уверен, что всё это не... ну... не привиде-

лось?

— Скажешь, то же, привиделось ... — произнес Василий поворачиваясь к нему. — А, рана на руке и следы удушения на шее, или ты предположишь, что я сам себя душил?

Виталий взгляделся в лицо друга и увидел в его глазах сомнения.

— Ну, знаешь, я просто так, предположил, я тебе верю, но кто тогда все здесь по твоему прибрал?

— Сейчас, увидим, у меня здесь везде камеры стоят — сказал Василий и немного повеселел.

Они пошли в комнату, где находился компьютер, в котором хранились все записи с камер, но к его удивлению утреннего инцидента на них записано не было, как будто его и не было вовсе.

— Значит, они намного сильнее, чем я думал, — прошептал он, почти беззвучно. — Намного сильнее. Если могут не только убить, но и стереть... стирать так, будто ничего и не было. Ни тела, ни следов, ни правды.

— Кто они? — спросил Виталий, но в его голосе уже слышалась нотка недоверия к рассказу, который ему совсем недавно поведал его друг.

Василий не ответил. Он стоял у окна, вглядываясь в тьму, где, казалось, что кто-то невидимый смотрел на него в ответ.

Глава 4. Разгадка

«Страх исчезает не тогда, когда нечего скрывать, а когда перестаёшь молчать.»

С появлением двойника, а также с загадочным исчезновением его тела у Василия Степановича стало вопросов не просто больше, они начали вырастать, как грибы после дождя в августовской сырости.

Кто на самом деле был его двойник, с какой целью он появился и хотел убить его, кто стоит за всем этим делом. Василий Степанович даже начал подозревать, не приснилось ли ему все это, но свежие раны сразу же отметали это подозрение. К тому же, у него был надежный свидетель данного события, Галина, которой он доверял как самому себе.

Но самым навязчивым, самым мучительным был не вопрос о том, куда делось тело, а совсем другой: что не договорил двойник, какое слово должно было завершить его последнюю, прерванную фразу? То самое слово, которое было необходимо, чтобы пройти проверку, выдав себя за него.

«Если нечего скрывать, значит нечего бо...»

Василий Степанович сидел у окна, устремив взгляд в дрожащую от ветра занавеску и шептал сам себе неразборчиво, как в бреду:

— Бодаться? Бормотать?.. Божиться, быть может?...

Подходящее слово к нему не приходило, будто нарочно пряталось от него.

И тут, точно по заказу судьбы, в комнату вошла его жена Галина, женщина наблюдательная, практичная, она остановилась, увидела своего мужа, смотрящегося в одну точку и спросила его:

— Ты чего такой? Опять думаешь о своём фантоме?

— Не выходит из головы фраза, которую он не договорил, — признался Василий. — «Если нечего скрывать, значит нечего бо...» — и всё. Больше ни звука. Как можно её закончить?

— Может... «болтать»? — предположила Галина, пояснив. — Если нечего скрывать, значит нечего болтать? Ведь язык — враг человеку. Если сказал лишнего, то можешь попасть в неприятную ситуацию.

Василий наклонил голову. Мысль, как ни странно, была не без смысла. Но, как это часто бывает с внезапно возникшей истиной, еще что-то не хватало, чтобы окончательно определиться с вариантом.

— В этом что-то есть, — признал он. — Но у меня такое чувство, что я уже слышал эту фразу. Раньше. Где-то. Только не помню где.

— Попробуй поискать в интернете, — предложила Галина. — Если эта фраза известная, то ее можно там найти.

Василий быстро поднялся, с кресла и подошёл к компьютеру, который мог помочь в этой разгадке.

— Вот! — воскликнул он, откинувшись назад. — Есть такая фраза. «Если вам нечего скрывать, то вам нечего бояться». Это утверждение часто используют, чтобы оправдать тотальную слежку, внушая людям, что, честному человеку нечего бояться. Это делается всё ради безопасности, — протянул Василий Степанович, откинувшись на спинку стула. — Это же очевидно... Почему же я раньше об этом не вспомнил?

Он развернулся к Галине, а та стояла уже возле него.

— Возможно, твоего двойника убедили в том, что не стоит играть двойную игру, поскольку будут последствия.

— Да, ты права, что играть с ними двойную игру очень опасно, но для того, чтобы узнать, кто за этим стоит необходимо действовать по их правилам и выполнять все их задания. Тот, кто задаст мне вопрос, на который я должен буду ответить именно так, и будет первой ниточкой к этой разгадке.

Он замолчал. И в этот момент, в мёртвой тишине, в окне отразился мимолётный силуэт двойника, он снова вернулся, но уже не из плоти, посмотрел на него и исчез. Василий Степанович впервые почувствовал уверенность, что знает продолжение той фразы.

Через две недели, наполненные обыденной суетой и неясным душевным беспокойством, один из подчинённых, молодой человек с гладко выбритым подбородком и взглядом, в

котором плескалась смесь страха и непонимания, постучал в дверь кабинета Василия Степановича и, войдя, произнёс почти шёпотом, но со всей возможной в его положении серьёзностью:

— Разве вас не пугает, что они всё знают о вас?

Василий Степанович оторвал взгляд от кипы докладных, медленно снял очки, посмотрел на подчинённого с изумлением и вдруг, совершенно спокойно, как будто отвечал не на вопрос, а на дежурную формальность, сказал:

— Если нечего скрывать, значит, нечего бояться.

Молодой человек, помолчав немного, добавил:

— Мне велели передать, что вы должны будете оказывать всякое содействие тем людям, которые будут говорить вам, что они... от Яко.

— Кто такой Яко? — медленно, с нажимом спросил Василий Степанович, но не как человек, стремящийся получить информацию, а как прокурор, ведущий допрос.

Подчинённый сглотнул, оглянулся на дверь, шагнул назад и, почти не двигая губами, прошептал:

— Я не знаю... Мне это велели передать.

— Кто велел?

На этом вопросе молодой человек побледнел, и, не глядя на Василия Степановича, произнёс:

— Я... я вам это не могу сказать.

С этими словами он почти выбежал из кабинета, оставив за собой лёгкий запах одеколona, страха и недосказанности.

А на следующий день он не пришёл на работу. Через три дня Василий Степанович узнал, что молодой человек уволился «по собственному желанию».

Прошла неделя, и в один из вечеров, зазвенел телефон Василия Степановича.

— Добрый вечер, — произнес незнакомый голос, глухой, безэмоциональный, — Я от Яко. Нам нужно встретиться.

Василий Степанович молча выслушал и, не задав ни одного вопроса, только сказал:

— Хорошо. Где?

Они встретились в старом кафе. Напротив Василия Степановича сел человек в черном пиджаке и кепке, нахлобученной до самых бровей. У него были густые брови, под которыми таились глаза серого цвета, и лицо, не выражавшее ничего, кроме хмурости. Поэтому его, вполне неслучайно, звали Хмурый.

Он не предложил руки, не стал заказывать кофе, а сразу перешёл к делу, как будто каждая минута ему очень дорога.

— Ты должен будешь найти одного человека, — сказал он, — Его зовут Мутный Михаил. Он похитил значительную суммы денег и одну дорогую вещь.

— Что за вещь? — переспросил Василий Степанович.

— Это женское украшение. Очень старое и ценное. С рубином. Я покажу.

Хмурый достал из внутреннего кармана пиджака сложенный вчетверо лист бумаги. На нём карандашом был нарисо-

ван кулон в виде трёхбрусси́ника: три круга в центре одной из них нарисовано, что-то похожее на камень. Под изображением была приписка: «Передал Волк».

— Здесь нарисован камень? — спросил Василий Степанович. Хмурый молча кивнул и добавил.

— Это рубин. Тебе необходимо найти это украшение, которое я думаю, находится у Мутного, скорее всего у него был поделщик, в одиночку такое довольно трудно проверить. — Хмурый с подробностями рассказал, немногие детали этого дела о котором ему удалось узнать, а также о своих предположениях. Во время рассказа Хмурого, Василий Степанович почувствовал, что за этим делом скрывается не только украденные Мутным деньги и рубиновое украшение, а еще нечто большее.

После этой встречи Василий Степанович приступил к поискам Михаила Мутного и рубинового украшения. В его голове кружил один вопрос, кто такой Яко и какую роль он играет в этой истории. Он понял, что фраза, которую он произнес в виде секретного ответа своему подчиненному была выбрана не случайно и чувствовал, что во власти этого Яко, стал винтиком какой-то большой системы из которой ему довольно трудно будет выпутаться.

Постепенно, не спеша, власть формирует систему, принимая такие законы и акты, которые вроде бы направлены на защиту порядка, стабильности и «национального достоинства». Формулировки такие гладкие, выверенные, как буд-

то написаны самой Совестью. Там нигде не изложено прямо: «Запрещается критиковать власть, запрещается идти против системы». Там сказано, что все это для «охраны моральных ценностей», «противодействия экстремизму», «поддержание общественного согласия». Но в итоге всего один шаг в сторону — и ты уже враг этой системе.

Сначала нельзя будет говорить о темах, неуместных этой власти, поскольку это повлечет за собой определенные последствия для говорящего. А потом человеку, постоянно внушают, что думать опасно и со временем он перестаёт думать вообще, поскольку за него будут думать другие.

Дальше произойдет подмена, уже не власть будет контролировать общество, а само общество начинает выстраивать для себя клетку из страхов, осуждения и негласных правил. Люди сами начнут контролировать друг друга и сдавать власти. Контроль без диктатора, надзор без надсмотрщика — и это работает, потому что если нечего скрывать, значит нечего бояться.

Человек, осмелившийся думать иначе, говорить иначе, сомневаться иначе — вдруг оказывается вне игры. Он не сидит в тюрьме, нет. Ему просто не звонят. Его не зовут на работу. Он «не вписывается» в систему. Его аккуратно вырезали из контекста, как хирурги удаляют опухоль, только теперь опухолью становится сама мысль.

Внутри такой системы больше нет собственного мнения, подавляется полностью возможности сопротивления. Такие

люди выбирают конформизм, боясь последствий несогласия с общепринятой точкой зрения. Истинная смелость — это не только готовность к физическому риску, но и способность выдержать эмоциональное и социальное давление, неизбежное при противостоянии большинству. Эта боязнь приводит к утрате индивидуальной свободы.

Честность исключает страх. Противостоять тому, что противоречит вашим убеждениям, — это проявление смелости. Смелость вдохновляет. Нередко один смелый человек бросает вызов системе, и за ним следуют другие, те, кто прежде боялись открыто выступить против неё. Каждый выбирает между молчанием и мужеством. Именно частью такой системы стал Василий Степанович, и только мужество может помочь ему противостоять ей. Обрести это мужество будет непросто, но всё же возможно, ведь история знала героев, которые, даже оставаясь в одиночестве, выступали против могущественной системы и становились непобедимыми воинами.

Глава 5. Поиск похищенного

«Кулон выбрал её раньше, чем она успела понять, что вообще есть выбор.»

Телефон зазвонил ровно в полночь, Хмурый не спал, ему не спалось в последнее время. Он сразу понял, кто звонит, хотя номер был скрыт.

— Хмурый, — раздался в трубке знакомый, сипловатый голос Волка. — Завтра идешь к старику. Заберешь кулон из сейфа. Отдашь Яко. Это важно.

— К какому старику?

— К Григорию Львовичу. Он хранитель. У него находится мой сейф. Ключ от него я уже тебя передал. Всё понял?

— Понял, — сказал Хмурый и Волк положил трубку.

Утром Хмурый сразу же поехал к Григорию Львовичу. Дверь открыл сам хозяин, старик знал, зачем он пришёл, и без лишних слов впустил Хмурого в квартиру.

— Проходи, — сказал тихо. — Сейф за книгами, я тебе покажу.

Пенсионер подошел к стеллажу с книгами и аккуратно од-ну за другой стал складывать на стул, после чего дотронулся до стенки, сработал невидимый механизм и показалась дверца сейфа. Хмурый вставил ключ, что передал ему Мутный. Попробовал провернуть, ключ даже не вошёл до конца. Он

усилил нажим. Безрезультатно.

Хмурый тихо выругался.

— Ключ не подходит, — процедил он, обернувшись к старику. — Ты уверен, что это тот сейф?

— Уверен, — старик смотрел исподлобья. — Он один такой. Волк сам его ставил десять лет назад.

Хмурый достал телефон, набрал Волка.

— Ключ, который ты мне передал не подходит к сейфу, — сообщил Хмурый. — Что мне делать?

— Как не подходит, ты точно тем ключом открываешь, что я тебе передал? — стал кричать из телефонной трубки Волк.

— Да, я с ним ни разу не расставался, — оправдывался Хмурый

— Тогда остается, что это Мутный подменил ключ, — сообщил свои догадки Волк, — тебе необходимо вскрыть сейф и достать из него кулон.

Хмурый сразу же приступил к организации вскрытия сейфа. Когда его вскрыли, оказалось, что он был пуст. Узнав об этом, Волк пришёл в ярость. Он немедленно приказал Хмурому найти Мутного, а вместе с ним украшение и деньги, которые тот, видимо, прихватил. Но больше всего Волка интересовало именно украшение, оно должно было быть передано Яко.

Яко, которому предстояло передать кулон, был существом, не принадлежащим этому миру. Он был порождени-

ем Тёмного мира зла и был назначен управлять и контролировать человечество на Земле. Рубиновый камень, вставленный в кулон и переданный Волку Тёмным Нелло для хранения, должен был стать ключевым элементом особого обряда. Этот обряд они собирались провести в строго определённое время и в заранее подготовленном месте. А Мутный, ничего не знавший о глубинной сути происходящего, стал невольной причиной срыва их плана.

Волк поспешно передал Хмурому несколько указаний и контакты людей, с которыми тот должен был связаться и привлечь их к поискам. Среди них оказался и номер телефона начальника ФСБ Руденко Василия Степановича.

Так начались масштабные поиски Мутного, в которых теперь участвовали не только бандиты, но и представители уполномоченных органов, с привлечением самых лучших сыщиков.

Если бы Мутин Михаил знал, что его ищут серьёзные люди, он вёл бы себя куда скромнее: залёг бы на дно и ни за что не вылезал бы оттуда. Но всё было ровно наоборот. В эти дни Михаил пребывал в состоянии необычайного душевного подъёма. Он, словно человек, по недоразумению оставшийся жив и невредим после злой шутки с самим чёртом, искренне полагал, что мир благоволит ему.

А потому жил, как говорится, на широкую ногу, а нога эта была обута в дорогой ботинок последней моды. Наивный,

как весенний кот, он был уверен, что это безоблачное, вольное, бесконтрольное время будет длиться всю оставшуюся его жизнь. Поэтому Михаил веселился, пил, ни в чём себе не отказывал, покупал дорогие вещи и смеялся в лицо судьбе, не догадываясь, что неизбежно приближается черная полоса его жизни.

В первую же неделю Михаил приобрёл самый дорогой автомобиль марки «Мерседес» — белый, блестящий, сверкающий, как клыки хищника. Он носился на нём по Москве, Питеру и другим городам России, и ближнего зарубежья. В каждом новом месте Михаил селился в лучших гостиницах, снимал люксы, щедро одаривал местных красавиц деньгами и украшениями, поскольку по своей натуре Михаил не был жадным человеком. Он жил на полную катушку, уверенный, что наконец-то вырвался из лап нищеты, тюрьмы и прочих неприятностей, заставляющих его душевно страдать и постоянно оглядываться назад.

Иногда, впрочем, глубокой ночью, когда звуки веселой жизни стирались в тишине гостиничного номера Михаил просыпался от странного ощущения, что будто за ним кто-то наблюдает. Он включал свет, прислушивался, шурился в зеркало и усмехался: «Старая паранойя, не оставляет...». Гнал из своей головы все тревоги и ощущения страха.

Тем временем Руденко шёл по его следу, как опытный волк, отслеживающий свою добычу. За ним, не отставая, тянулась стая бандитов во главе с Хмурым и не менее свире-

пым, чем волк, Волковым. Последний постоянно торопил, давил, требовал результата, ведь на кону всей этой операции стояла его собственная жизнь, с которой он не хотел так быстро расставаться.

Как только Мутин Михаил купил свой «Мерседес», он тем самым сильно упростил задачу Василию Степановичу. Автомобиль легко отслеживался по камерам, установленным на дорогах и в крупных городах. Руденко быстро получил от своих помощников всю информацию о маршрутах передвижения Михаила. Ему не хватало совсем немного, чтобы настигнуть Михаила, который ускользал от них в последний момент из-за везения. Но Руденко был уверен, что его везение не будет вечным и набравшись терпения хорошо делал свою работу.

Михаил, свободный, как ему казалось, человек, наутро вновь заливал полный бак девяносто восьмого и улетал по трассе в закат, уверенный, что за горизонтом его ждёт новая жизнь и счастье. Но эта мечта о богатой и счастливой жизни лопнула, как мыльный пузырь.

Как только Мутный выехал на платную дорогу, первая камера зафиксировала номер его машины, и уже через несколько минут Руденко знал направление движения Михаила Мутина. Он немедленно сообщил об этом Хмурому, и тот сразу же начал действовать.

Хмурый быстро организовал группу перехвата из четырёх

крепких парней, дал им машину и приказал доставить Михаила живым и невредимым. Те моментально подчинились и выехали на трассу, обрезав путь Мутному. Остановившись в безлюдном месте, они стали ждать, когда он проедет мимо.

Двое из них переоделись в форму сотрудников ГИБДД, чтобы остановить машину, и по очереди дежурили у дороги. Двое других всё это время оставались в машине.

Когда Мутный на своём «Мерседесе» проезжал мимо, переодетый в форму бандит остановил его, попросив предъявить документы и подойти к «патрульной» машине, для составления протокола за превышение скорости.

Мутный, ничего не подозревая, взял документы и подошёл к машине. За рулём сидел второй бандит в форме. Когда Михаил нагнулся к нему и протянул документы, тот, кто остановил его, внезапно ударил его рукояткой пистолета по голове.

От удара Мутный потерял сознание. Двое, что находились на заднем сиденье «патрульной» машины, без слов, выбежали из машины и, подняв тело Мутного, быстро втащили его в машину, сев по краям. Бандит по кличке Рыжий вытащил из кармана Михаила ключи от машины, сел в его «Мерседес» и поехал следом за машиной, в которой везли Мутного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.